

В.С. Курске

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ МАРГИНАЛЬНОЙ ГРУППЫ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Автор обращается к проблеме идентичности российских немцев как группы индивидов, живущих на стыке двух культур. Для анализа данной ситуации применяется модель маргинальной личности, рассматриваются различные концепции этнической идентичности российских немцев как маргинальной группы.

Проблематика маргинальной личности подробно изучена в современной социологии. Значительно меньше существует материала по изучению целых маргинальных общностей и групп населения, так как обобщения в данной сфере исследований делать крайне сложно. Объектом нашего анализа является идентичность маргинальной группы, предметом — идентичность российских немцев. В данном сообщении мы ставим перед собой цель проанализировать возможные типы идентичности российских немцев в соответствии с тем, какие взаимоотношения устанавливаются между группой российских немцев и ее окружением. При этом нам видится оправданным рассматривать в качестве внешнего окружения властные органы и структуры, формирующие идеологию взаимоотношений «свои-чужие».

Важно понять, какие модели маргинальности применимы к анализу этой общности и какие формы идентичности в связи с этим возможны. Мы не ставим перед собой задачи определить границы этноса (если это вообще возможно), мы не предполагаем дать ответ на вопрос: «Кто такие российские немцы и в чем их особенность?». Наша цель — соотнести стратегии этнической идентичности российских немцев с анализируемыми концепциями маргинальности.

Понятия «маргинал» и «чужак» в контексте межгруппового взаимодействия

Итак, понятие маргинальности было введено Робертом Парком в социологический оборот в эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (Park 1928). По мнению Р. Парка, маргинальный человек — это иммигрант или полукровка, который одновременно живет в двух мирах. Идентичность

такого рода не является целостной, а распадается на отдельные, подчас противостоящие друг другу сегменты. Идентичность российских немцев может быть довольно успешно охарактеризована в рамках данной концепции как идентичность группы индивидов, живущих на стыке/разломе двух культур: российской (русской) и германской (немецкой). Об этом мы поговорим подробнее ниже в рамках анализа возможных моделей идентичности российских немцев.

Суживая понятие маргинальной личности, другой американский теоретик, М. Голдберг, вводит понятия «маргинальная территория» и «маргинальная культура». Маргинальная территория — это регион, где две культуры частично перекрываются и где население заимствует черты обеих культур. Маргинальная культура — синтез элементов двух разных культур. Согласно концепции Голдберга, человек, рожденный на маргинальной территории и воспитанный в маргинальной культуре, сам уже не является маргиналом, поскольку не обнаруживает главных признаков маргинальной личности — болезненной раздвоенности между двумя культурами. Маргинальная культура является для него родной и целостной культурой, каких бы внутренних противоречий она ни содержала. Главное, что она выполняет все функции культуры, обеспечивает индивида нормами, стандартизованными паттернами поведения, определяет его ситуацию, как и любая «оперившаяся», традиционная культура. Маргинализация же личности происходит только тогда, когда сформированные первичной группой в раннем детстве понятия и установки вступают в конфликт с ценностями другой культуры. Данный подход крайне интересен, потому что позволяет закрепить за общностью российских немцев статус маргинальной культуры/маргинальной общности, в смысле ее самобытности и оригинальности (культура российских немцев — не русская и не немецкая, она российско-немецкая).

Вслед за понятием маргинальной культуры возникло понятие маргинальной ситуации. По определению его автора, А. Антоновского, сущность маргинальной ситуации заключается в следующих положениях и процессах: 1) две культуры претерпевают длительное взаимодействие; 2) одна из них является доминирующей, ее представители обладают силой, престижем и не подвержены маргинализации; 3) представители подчиненной культуры имеют свободный доступ в господствующую культуру; 4) образ жизни и образ мысли представителей контактирующих культур малосовместимы; 5) члены маргинальной группы, приобщаясь к господствующей культуре, надеются на поощрение со стороны ее представителей, хотя бы приняты в их среду как равные; 6) барьеры между двумя культурными группами не исчезают из-за дискриминации, с одной стороны, и факторов удерживания в прежних социально-культурных рамках, с другой стороны; 7) конфликт, продолжаясь из поколения в поколение, усиливает и закрепляет маргинальную ситуацию. При оценке положения российских немцев довольно сложно определить, находятся ли они на данный момент в маргинальной ситуации, так как целый ряд перечисленных выше характеристик к ним не относится (среди них пункты 4, 5, 6). Но совершенно ясно, что все эти факторы наличествовали в прошлом (в период 1940–1990-х гг.), и это имеет существенное значение для идентичности группы в целом: российские немцы ощущают себя этносом, который находился в маргинальной ситуации.

Но общность российских немцев можно рассматривать не только как

маргиналов, но и как общность «чужаков». Некоторую ясность в определение «чужака» попытался внести Д. Левайн. Предложенная им типологизация «чужаков» представлена в табл. 1.

Таблица 1. Классификация типов «чужака» Дональда Левайна

Отношение группы к Чужаку	Цель пребывания в группе		
	Кратковременный визит (Visit)	Совместное проживание (Residence)	Членство (Membership)
Положительное	Гость (Guest)	Попутчик (Sojourner)	Новичок (Newcomer)
Отрицательное	Незванный гость (Intruder)	Внутренний враг (Inner enemy)	Маргинал (Marginal man)

Мы не будем подробно останавливаться на каждом из типов: нам важно определиться с тем, к какой из этих категорий могут быть причислены российские немцы. При этом следует учитывать, что вхождение немцев в российскую среду имело характер сложного и противоречивого процесса. На разных исторических этапах российские немцы воспринимались по-разному, что объясняется как изменением целей пребывания этой этнической группы в российской среде, так и изменением отношения окружения к ним. Мы предлагаем следующую картину восприятия российских немцев:

- начало XX века — попутчик (Sojourner);
- Первая мировая война (1914–1918 гг.) — внутренний враг (Inner enemy);
- межвоенный период (1918–1941 гг.) — новичок (Newcomer);
- Великая отечественная война (1941–1945 гг.) — внутренний враг (Inner enemy);
- послевоенный период (1945–1989 гг.) — маргинал (Marginal man);
- период реформ (1989–2006 гг.) — новичок (Newcomer).

Подчеркнем, что данная хронологическая схема приложима в первую очередь к немцам-колонистам (область Поволжья).

Пытаясь осуществить приложение концепции Левайна к изучаемой группе, мы сталкиваемся с проблемой недостаточной адекватности этой модели, так как она позволяет анализировать вхождение индивида в группу как единичный и уникальный акт, экстраполяция же этого подхода на анализ взаимоотношения групп является довольно интересным, но и довольно противоречивым ходом. Как нам представляется, сложность заключается еще и в том, что предполагается непродолжительное взаимодействие группы и чужака (в нашем случае среды и вторгающейся в нее этнической группы): российские немцы становились «чужаками» на протяжении истории несколько раз и с течением времени меняли свой статус.

Концепции этнической идентичности российских немцев в контексте проблемы маргинальности

Ярким проявлением маргинального (пограничного) характера общности российских немцев является, на наш взгляд, неопределенность собственного образа, границ и маркеров, отличающих представителей этой этнической

группы от окружения. Существует несколько подходов к определению немецкого этноса в России, которые формулируются интеллектуальной элитой российских немцев. В зависимости от модели определяются границы этноса (представления о «Мы»-группе), дистанция по отношению к окружению (представления об «Они»-группе/ах), формы и механизмы взаимодействия.

Согласно первой точке зрения, выраженной в работах А.Г. Вишневского и В.Н. Шайдурова (Вишневский 2000: 115–129.; Шайдуров: www.memo.ru), утверждает, что существует лишь разрозненная группа индивидов немецкой национальности на территории России и бывшего СССР. Здесь мы, безусловно, сталкиваемся со стандартной, хорошо изученной проблемой иммигрантов: российские немцы выступают здесь в роли диаспоры (в роли чужака), и характер их взаимодействия с принимающей стороной объясняется в рамках концепции Левайна.

Вторая концепция признает российских немцев отдельным молодым этносом, отличным от близкородственной старонемецкой нации (Баумгертнер: www.astrastar). Вот что по этому поводу пишет Г. Вормсбехер: «Фактически в течение полутора веков из небольшой национальной группы, приглашенной из различных германских земель (тогда еще не было Германии как единого государства), на территории России сложился новый народ. Этот народ бережно сохранял в себе то, что привезли его предки с собой в Россию — диалекты немецкого языка того времени, веру, обычаи и традиции, уклад жизни, — что в самой Германии всё больше утрачивалось. Однако, включенные в масштабные исторические процессы, проходившие в государстве, российские немцы приобрели и много нового в своей национальной идентичности, — того, что сделало их гораздо более близкими русскому народу, чем народу Германии. (Этим во многом объясняется трудность интеграции выехавших российских немцев в сегодняшней Германии). Поэтому считать российских немцев сегодня «некоренным» народом или диаспорой германского народа можно только по неведению или в целях противодействия решению их проблем, что чаще всего и наблюдалось в последние десятилетия. Российские немцы являются народом, рожденным в России и рожденным Россией, а потому одним из ее коренных народов» (Вормсбехер: www.eiprd.ru). В рамках данной концепции крайне удачно воплощается голдберговское видение маргинальной культуры, когда сама культура синкретична, но при этом внутриличностный конфликт ее носителей вовсе не является неизбежным.

Третий взгляд представлен концепцией «промежуточного этноса», то есть осознанием российских немцев как специфической этнической группы между немцами и россиянами/русскими. Заметим, что в критических ситуациях и российское, и германское руководство действовало, исходя из этой посылки. Выражена она в работах В.Г. Дица, видного представителя немецкой элиты (г. Казань): «этнос российских немцев является в настоящее время реально субэтносом двух (только и одновременно — двух) этносов — германского и русского» (Дец: astrastar.ru). Здесь же следует рассмотреть и определение российских немцев как субкультуры, объединяющей посредством культурно-просветительской деятельности различных союзов и общественных организаций людей немецкого происхождения, членов их семей и соседей. Это крайне широкое толкование категории российских немцев позволяет включить в нее и представителей иных национальностей, декларирующих интерес к немецкому языку и культуре. Подчеркнем, что индивиды, являясь носите-

лями элементов нескольких этнических идентичностей, нередко сталкиваются с проблемой позитивного самовосприятия в целом, то есть они склонны идеализировать одну из национально-культурных идентичностей и развивать ее в ущерб другим. В связи с этим перед российскими немцами стоит проблема создания непротиворечивой этнической идентичности. На решение этого вопроса направлен, по нашему мнению, манифест «Мы — немцы, мы — граждане России», опубликованный от лица Немецкого молодежного объединения и Международного союза немецкой культуры, в котором определяется и упорядочивается иерархия и алгоритм этнической идентификации российских немцев (Манифест: www.rusdeutsch.ru). Довольно подробно авторы отмечают основные показатели существования немецкого этноса в России, останавливаясь на определении границ референтной группы (2 893 000 изучающих немецкий язык вместо 597 000 немцев РФ) (Результаты переписи: www.gks.ru/PEREPIS).

По мнению одного из наиболее видных общественных деятелей среди российских немцев Гуго Густавовича Вормсбехера, у российских немцев существует сложная система этнической идентичности, состоящая из двух элементов: российской самоидентификации и осознания себя немцами. В условиях современных политико-социальных и культурных реалий во всесторонней поддержке и искусственной, по сути, стимуляции нуждается именно вторая составляющая, так как первая возникает естественным путем в процессе инкультурации и социализации населения. При этом тот же автор подчеркивает, что при переезде на постоянное место жительства в Германию немцы из России должны совмещать не две, а три этничности: российскую/русскую, немецкую/германскую и, собственно, российско-немецкую. Данная проблема представляется если не надуманной, то, во всяком случае, трудноразрешимой. На основе анализа проведенных за последнее десятилетие исследований в ФРГ можно сделать вывод, что в большинстве своем германские власти констатируют проявление устойчивой «русско-советской» культурной идентичности у переселенцев, что свидетельствует о недостаточной развитости российско-немецкой этнической идентичности. В то же время российские немцы, обладавшие до выезда высоким показателем этнического самосознания (знание немецкого языка, обычаев, традиций российских немцев, участие в общественной жизни) переживают процесс восприятия «германской» идентичности значительно легче и с меньшими психо-эмоциональными потрясениями. Как нам представляется, здесь могут быть плодотворно применены предложенные А. Шюцем концепты «*estranged native*» и «*homecomer*».

Подводя итог нашему анализу, мы приходим к выводу о том, что концепции идентичности российских немцев как маргинальной группы отличаются по числу элементов (частичных идентичностей) и, соответственно, степени признания автономности этой группы (и ее маргинального статуса). Возможны следующие идентичности:

- немецкая (тип диаспоры) — применима концепция чужака Д. Левайна;
- русская и немецкая одновременно (тип субэтнической общности) — применимы подходы Р. Парка и Стоунквиста;
- российско-немецкая (самостоятельный этнос) — применим подход Голдберга (маргинальная, но самодостаточная культура)
- русская, немецкая и российско-немецкая (случай возвращения российских немцев на историческую родину) — применим подход Шюца («отчужден-

ный свой» («estranged native») и «возвращающийся домой» («homcomer»)) (Schutz 1945: 369–376; Schutz 1976).

При этом при любой стратегии идентичности российских немцев не ставится под сомнение ее маргинальный характер. Вопрос заключается в том, каким образом ее будут трактовать и воспринимать (то есть каков будет характер этой маргинальности) и насколько остро будет ощущаться внутренняя противоречивость. От ответа на этот вопрос зависит самовосприятие российских немцев и непосредственные социальные практики представителей этой этнической группы.

Литература

Баумгертнер В. Ф. Доклад на Внеочередном (объединительном) съезде ФНКА РН. <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=173> — Дата посещения — 20.04.06.

Вишневикий А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3.

Вормсбехер Г.Г. К проблеме российских немцев http://www.eiprd.ru/information/doc.php?id_a=1067&id_sec=7 Дата посещения — 11.06.06.

Диц В.Г. Надежды, зарытые в песок (Немецкий вопрос в современной России). <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=141> — Дата посещения — 15.05.06.

Манифест “Мы — Немцы. Мы — Граждане России” — www.rusdeutsch.ru — Дата посещения- 20.03.06.

Результаты переписи населения РФ 2002 года. — <http://www.gks.ru/PEREPIS/t5.htm> — Дата посещения — 20.06.06.

Шайдуров В.Н. Российские немцы: сто лет в условиях национального конфликта. <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm> — Дата посещения — 20.04.06

Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33. No 6.

Schutz A. The Homecomer // *The American Journal of Sociology*. 1945. Vol. 50. No 3.

Schutz A. The Stranger // *Collected papers. Studies in social theory* / Ed. by A. Brodersen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976.